

Защитить прошлое во имя будущего: как право защищает материальное и нематериальное культурное наследие в ситуации вооруженных конфликтов

Кристиана Жоанно-Градис*

Кристиана Жоанно-Градис долгое время работала в МККК делегатом и юристом на местах и в штаб-квартире. Кроме того, она является соучредителем и соуправляющим международной неправительственной организации «Traditions for Tomorrow», деятельность которой направлена на защиту культурного наследия Латинской Америки, в частности в ситуациях конфликтов или постконфликтного восстановления.

Краткое содержание

Война сказывается не только на физическом благополучии людей, но и на их культурной идентичности, а уничтожение культурного наследия часто становится главной проблемой, особенно в ходе вооруженных конфликтов, разгоревшихся на этнической, культурной или религиозной

* Автор настоящего эссе получила степень доктора наук в Университете Женевы. Она также написала работу «Материальное и нематериальное культурное наследие: защита в случае вооруженного конфликта» (“Le patrimoine culturel matériel et immatériel: Quelle protection en cas de conflit armé?”, Schulthess, Genève, 2013).

почве. В некоторых регионах культурное наследие составляют в основном памятники и другие объекты — это «материальное» наследие, его защищает право вооруженных конфликтов. В других регионах, где сооружения не дошли до наших дней, культурное наследие в основном составляют памятники устного народного творчества, танцы, ритуалы, музыка и другие формы самовыражения местного населения, использующего различные средства и инструменты. Такое культурное наследие называется «нематериальным». Цель настоящего эссе — показать, что культурное наследие может быть как материальным, так и нематериальным, и что право, защищающее объекты культурного наследия, не ограничивается правом вооруженных конфликтов. На культурное наследие также распространяют защиту другие применимые правовые инструменты, например международные договоры в сфере права прав человека и конвенции ЮНЕСКО об охране культурного наследия.

Ключевые слова: право вооруженных конфликтов, международное право прав человека, конвенции ЮНЕСКО об охране культурного наследия, материальное культурное наследие, нематериальное культурное наследие, культурные ценности, ведение военных действий, незаконное присвоение и торговля, различный ущерб культурной идентичности, коренные народы, военная оккупация, немеждународный вооруженный конфликт.

: : : : : :

Введение

В сентябре 1914 г., через месяц после начала Первой мировой войны, Реймский кафедральный собор во Франции подвергся обширной бомбардировке, в результате чего его существование было поставлено под угрозу. В июле 2014 г. были разрушены мечети и святыни Ирака, в том числе оказалась уничтожена могила пророка Ионы — место паломничества мусульман — и другие объекты культурного наследия. В обоих случаях нападению подверглись объекты культурно-религиозного наследия народов, затронутых конфликтом. Поскольку места отправления культа были разрушены и жители больше не могли совершать религиозные обряды и поддерживать традиции, пострадало не только материальное, но и нематериальное культурное наследие. Эти два события разделяют сто лет. За прошедшие годы в мире произошло множество вооруженных конфликтов, их природа постоянно менялась: в них участвовали различные стороны, они разгорались по разным причинам, как видно из этих двух примеров. Кроме того, за эти сто лет далеко вперед шагнули наука и техника, изменились технологии в военной сфере, средства ведения военных действий стали более продвинутыми и точными. И в то же время существенно изменилось право. Если в 1914 г. право, защищавшее культурное наследие, ограничивалось несколькими нормами в сфере ведения военных действий, то теперь существует право вооруженных конфликтов с его разнообразием норм, в том числе направленных на защиту культурного наследия.

Недавние события в Сирии, последовавшие за аналогичными потрясениями в Ираке и Мали, свидетельствуют о парадоксальной ситуации в сфере защиты культурного наследия. Уникальные объекты культурного наследия данных стран, многие из которых были внесены в список всемирного культурного наследия специализированного учреждения Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), были намеренно уничтожены, хотя те правовые нормы, которые применяются к ним сегодня, составляют беспрецедентную правовую базу для их защиты в подобных ситуациях. В частности, уничтожение могилы пророка Ионы¹ и Триумфальной арки в Пальмире (Сирия)² — это неоспоримое свидетельство преднамеренного разрушения культурного наследия этих стран, совершаемого «Исламским государством» (террористическая организация, запрещена в России). Подобные действия отражают намерение членов этой группировки не только навсегда стереть с лица земли следы истории региона, но и полностью уничтожить культурную и духовную самобытность местного населения. Для международного сообщества это серьезная проблема, поскольку происходящее свидетельствует об отказе от применения норм, многие из которых имеют статус норм обычного права, направленных на защиту как культурного наследия, так и лиц, затронутых конфликтом³.

Тем не менее подобное явление не ново в истории вооруженных конфликтов. Разрушение Карфагена римлянами, разграбление Константинополя крестоносцами и уничтожение скульптур, украшавших соборы, во время религиозных войн между католиками и протестантами в эпоху Реформации, а также разрушение синагог во время Второй мировой войны и мечетей во время конфликта на Балканах в конце прошлого столетия — все это также говорит о намерении нападающих стереть с лица земли культурные и духовные символы идентичности неприятельской стороны, уничтожив ее культурное наследие⁴.

Нужно отметить, что конфликты сильно выраженного этнического, культурного и религиозного характера часто сопровождаются уничтожением культурного наследия. Это наследие многообразно. Если речь идет о местах, зданиях и объектах, мы говорим, что нападения совершаются на материальное культурное наследие. Если же подобные объекты не дошли до наших дней и в основном культурное наследие составляют памятники

1 ЮНЕСКО, «Призыв сохранить культурное наследие Ирака», 30 сентября 2014 г., доступно по адресу: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/prizyv_sokhranit_kulturnoe_nas/?goback=gd_e_4474013_member_254518074&cHash=cc90013d8142c283b59db3ce7896eb91 (все интернет-ресурсы были доступны в декабре 2015 г.)

2 ЮНЕСКО, «Генеральный директор ЮНЕСКО осудила уничтожение Триумфальной арки в Пальмире — «Экстремисты панически боятся истории». 5 октября 2015 г., доступно по адресу: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/unesco_director_general_condemns_the_destruction_of_the_arch/.

3 См.: Хенкертс, Жан-Мари и Досвальд-Бек, Луиза. Обычное международное гуманитарное право (далее — Обычное МГП). Том I: Нормы. МККК, 2006. Нормы 38, 39.

4 ICTY, *The Prosecutor v. Tihomir Blaskic*, Case No. IT-95-14-T, Judgment, 2 March 2000, paras 227–228.

устного народного творчества, танцы и другие формы самовыражения, для которого люди используют различные средства и инструменты, такое культурное наследие является нематериальным. В этом случае объектами нападения становятся не столько здания и предметы, сколько лица, являющиеся носителями данной культуры или содействующие ее развитию. Следовательно, правовое решение этой проблемы также должно включать в себя несколько элементов.

Защитой культурного наследия занимается право вооруженных конфликтов — *lex specialis* — во время войны. Однако по большей части речь идет о материальном культурном наследии, на которое распространяется защита Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Конвенция 1954 г.)⁵. Этот инструмент, принятый вскоре после Второй мировой войны, закрепил в правовой сфере меры, призванные предотвратить повторение невиданных разрушений и мародерства, которым подверглось мировое культурное наследие в ходе войны. Таким образом, Гаагская конвенция 1954 г. восполнила пробелы, прежде существовавшие в нормативно-правовой сфере. Конечно, защита, предоставляемая в случае вооруженного конфликта на сегодняшний день единственной конвенцией, посвященной исключительно культурному наследию, очень важна. Тем не менее вклад одной этой Конвенции в защиту культурного наследия в ситуации современных конфликтов, в ходе которых страдает и нематериальное наследие, недостаточен.

В действительности нематериальное культурное наследие не может быть защищено исключительно Гаагской конвенцией 1954 г. Для этого необходимо применять другие инструменты — как права вооруженных конфликтов, так и других правовых режимов, например международного права прав человека, а также многочисленные конвенции об охране культурного наследия системы ЮНЕСКО либо различные актуальные нормы из инструментов, разработанных Международной организацией труда (МОТ) или даже Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). Материальная сфера применения этих международных договоров сейчас позволяет расширить концепцию культурного наследия так, чтобы оно включало не только культурные ценности, которые по факту являются лишь одним из компонентов. Так, определение пользующегося правовой защитой культурного наследия, как материального, так и нематериального, было расширено за счет существенного изменения нормативных положений, в частности в системе ООН, хотя точное определение отдано на усмотрение государств.

Помимо различных типов культурного наследия необходимо отметить и различный ущерб, который ему может быть нанесен. Такой ущерб во многом зависит от этапа вооруженных конфликтов. Действительно, воздействие вооруженных конфликтов на культурное наследие касается

5 Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, принята 14 мая 1954 г. (вступила в силу 7 августа 1956 г.) (Конвенция 1954 г.)

в основном материального наследия, например Реймского собора, который непосредственно пострадал во время вооруженных столкновений⁶. Этот вид ущерба отличается от того, который может быть нанесен культурным ценностям, оказавшимся в руках неприятеля, когда грохот орудий уже умолк. Такие ситуации, особенно военная оккупация, могут изменить обычную жизнь пострадавшего населения и затронуть нематериальное культурное наследие. Один из многочисленных примеров тому — исчезновение ритуальных практик в священных местах в Тимбукту во время конфликта в Мали в 2012 г.⁷ Различие между видами ущерба, который может быть причинен тем или иным компонентам культурного наследия, также отражено в нормах, направленных на его предотвращение.

Цель настоящей статьи — показать, что культурное наследие в целом по-прежнему пользуется правовой защитой на всех стадиях вооруженных конфликтов, независимо от их характера. Это утверждение основано не только на применимых правовых нормах, которые обсуждаются ниже, но также подтверждается практикой международных уголовных трибуналов, практикой государств и доктриной. Статья начинается с исторического обзора существующих с незапамятных времен обычных норм, согласно которым воюющие стороны должны щадить объекты культурного наследия в таких ситуациях. Далее рассматриваются применимые правовые нормы, предоставляющие защиту такому наследию как во время военных действий, так и после перехода культурных ценностей во власть неприятеля. В эту нормативно-правовую базу входит право вооруженных конфликтов и другие нормы, закрепленные в инструментах в сфере прав человека и конвенциях ЮНЕСКО об охране культурных ценностей, которые тоже можно считать применимыми в случае вооруженных конфликтов.

Защита культурного наследия во время вооруженных конфликтов: историческая справка

Обязанность защищать культурное наследие во время вооруженных конфликтов предшествует принятию каких-либо нормативных документов по его защите на международном уровне. Запрет нападать на определенные места, здания или объекты в таких обстоятельствах происходил из требований властей, а те обычно имели соображения религиозного или сакрального характера⁸. Это явление встречалось во многих цивилизациях на протяжении всей истории человечества.

6 Roger O'Keefe, *The Protection of Cultural Property in Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006, p. 39.

7 UN, "Mali: Deux experts de l'ONU dénoncent les 'violations des droits culturels et de la liberté religieuse'", UN News Centre, 10 July 2012. См. также: «Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО требует прекратить разрушение культурного наследия Мали»; доступно по адресу: <https://news.un.org/ru/story/2012/07/1204941>.

8 В Древней Греции, например, священные места, такие как Дельфы, Делос и гора Олимп, признавались неприкосновенными в случае вооруженных конфликтов. В этих местах

Поскольку в ходе вооруженных конфликтов, в частности во время активных военных действий, могут быть разрушены или сожжены объекты культурного наследия, защите подлежали в основном здания — символы тех ценностей, которые необходимо защищать, — или сооружения, в которых проходят церемонии, фестивали и ритуалы, а также средства и инструменты, необходимые для проведения таковых. Следовательно, запрет на причинение ущерба таким объектам применяется не только к вместилищу ценностей, но распространяется и на его содержание⁹. В прошлом культурное наследие составляло единое целое, было совокупностью материальных и нематериальных компонентов. Последние одухотворяли его и обеспечивали передачу знаний и компонентов культурной идентичности людям, затронутым конфликтом.

Запрет на причинение ущерба культурному наследию веками передавался из поколения в поколение во всех уголках мира. На Западе об этом свидетельствует защита, которой часто пользовались священные места античного Средиземноморья или храмы и христианские церкви на всей территории Римской империи и в других странах. Подобной защитой пользовались и другие объекты, разрушение которых не принесло бы никакого военного преимущества, как указывает Цицерон¹⁰. В Средние века обязанность защищать такие объекты получила более формальное выражение. По инициативе христианской церкви в Европе происходила кодификация мер, обязательных к соблюдению воюющими сторонами. Они закреплялись в клятвах, которые приносили рыцари¹¹, или в приказах, подписываемых военачальниками перед битвами. В соответствии с такими соглашениями все, что являлось священным (материальное, нематериальное и даже определенные люди), нельзя было уничтожать. Также запрещалось без необходимости (в соответствии с основными целями данного конфликта) уничтожать имущество мирных жителей, не принимавших участия в военных действиях¹². В эпоху Возрождения к категории объектов, пользующихся

запрещалось совершать какие-либо действия военного характера, а убегающий неприятель мог в них укрыться. Эти запреты имели под собой духовную и религиозную основу. Подобные нормы можно найти во многих культурах. См.: Pierre Ducrey, *Guerres et guerriers dans la Grèce antique*, Payot, Paris, 1969, p. 243.

9 Например, первый праведный халиф Абу Бакр давал такие наставления солдатам, сражавшимся там, где сейчас находятся Ирак и Сирия: «По мере того как вы будете наступать, вам встретятся монахи, живущие в монастырях и в своем уединении служащие Богу. Не трогайте, не убивайте их и не разрушайте их монастыри». Цит. по: *Бюньон, Франсуа*. Становление правовой защиты и культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // *Международный журнал Красного Креста*. Сборник статей, июнь 2004 г., с. 7.

10 *Марк Туллий Цицерон*. Речь против Гая Верреса. «О предметах искусства» (вторая сессия, книга IV) (*De signis*): *De officiis ad Marcum filium*, Цицерон Марк Туллий. Речи в 2 т. Том I: годы 81–63 до н. э. М., Наука, 1962. — 456 с.

11 Например, в предписаниях «Божьего мира» и «Божьего перемирия» зафиксирована обязанность воюющих сторон соблюдать многочисленные нормы, некоторые из них также защищали культурное наследие, как материальное, так и нематериальное. Michel Balard, Jean-Philippe Genet and Michel Rouche, *Le Moyen Âge en Occident*, Hachette Supérieur, Paris, 2003, pp. 104–105, 175.

12 Такие своды норм, в которых содержались запреты или обязательства, имели обязательную силу для воюющих, а не для конкретных государств. Более того, эти нормы официально защищали

защитой, добавились произведения искусства, в том числе не имевшие сакрального характера¹³, а впоследствии, с укреплением роли государств, памятники истории и имущество, символизировавшее национальные ценности и историю¹⁴.

Эти нормы, представляющие собой обычаи войны, часто включались в соглашения между воюющими сторонами, не фиксировались в документах, имеющих обязательную силу для всех, до конца XIX века. К тому времени состоялось уже много международных конференций, например в Санкт-Петербурге в 1868 г., в Брюсселе в 1874 г., на которых были приняты декларации или проекты конвенций, формально закрепляющие эти нормы¹⁵. Но только в 1899 г. государства официально приняли первый международный договор по праву войны, отдельные нормы которого предписывают обязательную охрану культурного наследия. Такие нормы встречаются в Гагских конвенциях 1899 г., пересмотренных в 1907 г. Хотя предписанные в них нормы, различные на разных этапах вооруженного конфликта, в основном распространяются на объекты материального культурного наследия: «...храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности», — косвенно они касаются и нематериального аспекта¹⁶. Так, Гагская конвенция IV 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и приложение к ней — Положение 1907 г. решительно ввели в позитивное международное право обычную норму, согласно которой необходимо охранять элементы культурного наследия. Более того, согласно ее положениям, такое культурное наследие может быть как материальным, так и нематериальным.

не только сакральные объекты, но также частную собственность, в соответствии с принципом военной необходимости. Если уничтожение такой собственности не могло принести военного преимущества, оно не считалось необходимым, а потому было запрещено. См.: Theodor Meron, *War Crimes Law Comes of Age*, Oxford University Press, New York, 1998, p. 13.

- 13 Этому способствовали работы различных юристов и мыслителей того времени, в частности Альберико Джентили. По его мнению, наряду с другой частной собственностью в ходе вооруженных конфликтов необходимо также, причем особенно, охранять культурные ценности. См.: Alberico Gentili, *De Jure Belli Libri Tres*, цит. по: R. O'Keefe (примечание 6 выше), p. 6.
- 14 Так, во Франции, по инициативе депутата от Гренобля, аббата Анри Грегуара, в 1830 г. была создана комиссия по охране памятников истории, целью которой было защитить их от «вандализма», бушевавшего в стране во время Французской революции 1789 г. и после нее. См.: «Rapport sur les destructions opérées par le vandalisme, et sur les moyens de le réprimer», in *Œuvres de l'Abbé Grégoire, Vol. 2: Grégoire, député à la Convention nationale*, KTO Press and EDHIS, Nendeln and Paris, 1977, p. 257.
- 15 Например, Санкт-Петербургская декларация 1868 г. или Брюссельская декларация 1874 г. Последняя четко говорит об обращении с объектами, которые могут являться частью культурного наследия.
- 16 Такие объекты четко указаны в ст. 27 Гагского положения 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, являющегося приложением к Гагской конвенции IV. В ст. 56 Положения добавлено еще «учреждений... образовательных». Перечисление таких объектов ясно показывает, что защитой пользуются не только сами объекты — материальное культурное наследие, — но и деятельность, которая в них ведется, и знания, которые в них передаются, — нематериальное культурное наследие.

Эти инструменты применялись во время двух крупнейших конфликтов, которые потрясли мир в XX веке¹⁷, однако после Второй мировой войны право вооруженных конфликтов претерпело существенные изменения, в частности в результате принятия Женевских конвенций 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним 1977 г.¹⁸ Кроме того, в 1954 г. была принята конвенция¹⁹, предоставляющая полную защиту культурному наследию. В 1954 и 1999 гг. она дополнена протоколами²⁰. Тем не менее эта отрасль права не ограничивается защитой исключительно материального культурного наследия, то есть культурных ценностей. Многие положения права вооруженных конфликтов, в частности Женевских конвенций 1949 г., содействуют защите и нематериального компонента культурного наследия²¹. Такую защиту также предоставляют инструменты, разработанные в рамках различных правовых режимов и принятые впоследствии, например международные договоры в сфере права прав человека²², а также многочисленные конвенции ЮНЕСКО по охране культурного наследия²³. Вместе они составляют

- 17 Во время этих войн культурное наследие подвергалось серьезным нападениям. Некоторые из них навсегда остались в истории, как нападение на библиотеку Лувенского университета во время Первой мировой войны и на аббатство Монтекассино во время Второй мировой войны. Размытость нормативных положений и низкая точность применяемого в то время оружия сыграли значительную роль в том, что во время этих вооруженных конфликтов пострадало много важных объектов.
- 18 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (ДП I), от 8 июня 1977 г. (вступил в силу 7 декабря 1978 г.), применяется в случае международных вооруженных конфликтов, этот договор внес значительные изменения в порядок регулирования военных действий, предписанный Гаагским положением 1907 г. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (ДП II), от 8 июня 1977 г. (вступил в силу 7 декабря 1978 г.), применяется в случае немеждународных вооруженных конфликтов, договор содействовал дальнейшему развитию применимого в таких ситуациях права. До этого такие ситуации регулировались только ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г. Оба этих инструмента содержат положение, в котором четко прописана обязанность воюющих сторон обеспечить защиту «культурного или духовного наследия народов».
- 19 См. примечание 5 выше.
- 20 Протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. (вступил в силу 7 августа 1956 г.) (Протокол 1954 г.) касается защиты культурных ценностей в случае военной оккупации. Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 26 марта 1999 г. (вступил в силу 9 марта 2004 г.) (Протокол 1999 г.) объединил более поздние изменения в праве вооруженных конфликтов, например те, которые относятся к ведению военных действий, в единую систему для защиты культурных ценностей.
- 21 В частности, Женевская конвенция IV о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., (вступила в силу 3 января 1976 г.)
- 22 Такие как пакты ООН — например, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 3 января 1976 г.)
- 23 В соответствии с мандатом ЮНЕСКО — содействовать развитию культуры в целом — и по инициативе этой организации было принято несколько инструментов, касающихся культурного наследия, например Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. (вступила в силу 24 апреля 1972 г.) (Конвенция 1970 г.); Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. (вступила в силу 17 декабря 1975 г.); Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября

официально кодифицированный свод норм, в явной форме обеспечивающих защиту культурного наследия, как материального, так и нематериального, во время вооруженных конфликтов. Материальная сфера применения этой нормативно-правовой базы сейчас охватывает культурное наследие во всей его полноте и не ограничивается исключительно культурными ценностями.

Культурное наследие и военные действия

Во время любых вооруженных конфликтов активные военные действия²⁴ причиняют ущерб культурному наследию воюющих сторон. На первый взгляд может показаться, что прежде всего от боестолкновений страдает материальное культурное наследие, однако ущерб, наносимый музеям, театрам, соборам и другим культурным объектам, сказывается и на нематериальном элементе культурного наследия. Пример тому — воздействие на культурное наследие конфликта в Мали в 2012 г. Международное сообщество помнит о физическом разрушении мавзолеев в Тимбукту, однако одновременно был причинен ущерб нематериальному культурному наследию региона, хотя он и не так заметен²⁵. Резко прекратились во время конфликта проводившиеся в этих мавзолеях действия и ритуалы, как культурные, так и духовные²⁶. Если некоторые обряды и ритуалы, место проведения которых было утрачено, можно временно перенести куда-то еще, то с другими это сделать невозможно. Определенные ритуалы и торжества, например те, которые совершались в мавзолеях, привязаны к конкретному месту.

Ведение военных действий регулируется исключительно правом вооруженных конфликтов — единственной отраслью права, четко определяющей разрешенное или запрещенное поведение воюющих сторон в подобных обстоятельствах. Так, в этой сфере оно, без сомнения, является *lex specialis*. Кодификация в рамках этого правового режима основана на четырех фундаментальных принципах ведения военных действий во время вооруженных конфликтов. Международный суд ООН описал их в своей практике как «основные» принципы²⁷. Подробнее эти четыре принципа мы рассмотрим ниже.

2003 г. (вступила в силу 20 апреля 2006 г.) (Конвенция 2003 г.); и Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 г. (вступила в силу 18 марта 2007 г.)

24 Вооруженный конфликт может включать в себя несколько стадий: стадия военных действий, когда неприятельские стороны ведут боестолкновения; затем — стадия, во время которой одна из сторон попадает во власть неприятельской стороны. К такой ситуации, в зависимости от конкретных обстоятельств, может привести военная оккупация. На второй стадии ситуацию регулируют другие положения права вооруженных конфликтов.

25 См.: ЮНЕСКО, «Комитет Всемирного наследия принял решение об оказании поддержки Мали и призвал прекратить разрушения культурного наследия страны», 3 июля 2012 г., доступно по адресу: http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/sv/news/world_heritage_committee_calls_for_end_to_destruction_of_mal/.

26 ООН (примечание 7 выше).

27 Международный суд ООН, Консультативное заключение о законности угрозы ядерным оружием или его применения, 8 июля 1996 г., п. 78.

Принцип военной необходимости

Принцип военной необходимости представляет собой внесенную в Санкт-Петербургскую декларацию 1868 г. обычную норму, в соответствии с ней законной является только такая военная сила, которая необходима для достижения целей воюющих сторон²⁸. Следовательно, это рестриктивный принцип, направленный на ограничение права воюющих сторон на ведение полномасштабной войны. Впервые он был кодифицирован в инструменте права вооруженных конфликтов с обязательной силой, а именно в Гаагском положении 1899 г. и пересмотренной версии 1907 г. Наряду с принципом гуманности данный принцип дал начало этой отрасли права. Тем не менее одновременное включение обоих принципов — гуманности и военной необходимости — в единый свод норм привело к введению в позитивное право формальных оговорок к некоторым его положениям. Так, принцип военной необходимости, который поначалу был рестриктивным, со временем стал скорее исключением разрешительного характера. В постановлении, вынесенном после Второй мировой войны, судья из Британии отметил, что требование, связанное с выполнением этого принципа, касалось военной «необходимости», а не военного «преимущества»²⁹.

В праве, регулирующем защиту культурного наследия во время вооруженных конфликтов, есть исключение — военная необходимость, — которое осложняет выполнение некоторых положений, но действительно смягчает запрет на совершение враждебных актов в ходе сражения, независимо от режима, предоставляющего защиту данному объекту. Кроме того, в Гаагском положении 1907 г. и Конвенции 1954 г. применение этой правовой оговорки в основном отдано на усмотрение воюющих сторон. Нападения на объекты культурного наследия во время конфликтов на Балканах в 1990-е гг., например разрушение Старого моста в городе Мостар и частичное разрушение Старого города в Дубровнике, еще раз показало международному сообществу, что необходимо незамедлительно пересмотреть некоторые положения Конвенции 1954 г. Вскоре после окончания этого конфликта был принят Второй протокол к ней — Протокол 1999 г. Сейчас, помимо других вопросов, он разъясняет применение принципа военной необходимости, повторяя в статье 6 норму, содержащуюся в статье 52(2) Дополнительного протокола I относительно «военных объектов»³⁰. С этого момента ссылка

28 Декларация признает, «что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля» и «что употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя... должно признавать не соответствующим упомянутой цели». Так, если предполагаемые средства и методы оказываются «бесполезными» относительно итога военной операции, военная необходимость перестает существовать.

29 См.: United Kingdom, Military Court at Hamburg, A. D. Case, 19 December 1949, p. 522, цит. по: Давид, Эрик. Принципы права вооруженных конфликтов. МККК, 2011. С. 311.

30 ДП I, ст. 52(2), предписывает: «Нападения должны строго ограничиваться военными объектами. Что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу

на это исключение в отношении культурных ценностей должна соответствовать четко установленным условиям³¹, и воюющие стороны сейчас наделены намного меньшей свободой для оценки ее законности.

Принцип проведения различия

Второй принцип — принцип проведения различия, согласно которому воюющие стороны должны во всякое время проводить различие между объектами культурного наследия и другими объектами. Этот принцип важен для сохранения культурного наследия, поскольку запрещает сторонам в конфликте совершать враждебные действия в отношении таких объектов и использовать их в военных целях. Изначально запрет на враждебные действия был прояснен в результате включения положений Дополнительного протокола I в Протокол 1999 г., который предоставляет культурному наследию более широкую защиту³². С этого момента обязанность проводить различие касалась не только проведения различия между объектами культурного наследия и другими объектами. Точнее, чтобы враждебный акт считался законным, объект культурного наследия должен был быть превращен в военный объект³³. Кроме того, Протокол 1999 г. предписывает дополнительные условия в этом отношении³⁴. Чтобы провести надлежащее различие, стороны в конфликте должны выполнить некоторые обязанности, например обязанность проверять, оценивать и принимать меры предосторожности. Требования повышаются пропорционально важности данного объекта³⁵.

своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество».

- 31 Согласно ст. 6(a) Протокола 1999 г., военная необходимость признается законной, если культурные ценности, о которых идет речь, с одной стороны, «по своему назначению превращены в военный объект», и, с другой стороны, если «нет никакой практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества».
- 32 Согласно режиму Гаагского положения 1907 г., принцип проведения различия в основном касается различия между «обороняемыми» и «необороняемыми» городами и другими населенными пунктами. Тем не менее в ст. 27 Гаагского положения говорится, что даже в случае обороняемых городов и других населенных пунктов определенные объекты — например «храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности», необходимо щадить, «насколько возможно». Так, даже в этих обстоятельствах необходимо соблюдать принцип проведения различия.
- 33 Введение концепции «военного объекта» в ДП I было направлено на проведение различия между военными и гражданскими объектами. Так, ст. 52 ДП I требует от воюющих сторон проводить различие между военными и гражданскими объектами даже до совершения нападения, в соответствии с принципом проведения различия. Следовательно, гражданские объекты впервые получают четкую защиту в соответствии с этой статьей.
- 34 В Протоколе 1999 г. прописаны условия, в соответствии с которыми гражданские объекты могут быть превращены в военные объекты, а именно они должны быть превращены в военные объекты «по своему назначению». Это требование подразумевает немедленное использование данного объекта в военных целях, благодаря чему его защита усиливается.
- 35 В зависимости от того, пользуется ли данный объект «общей» защитой, в соответствии с Конвенцией 1954 г. и Протоколом 1999 г., либо «специальной» или «усиленной» защитой, предоставляемой ст. 8–11 Конвенции 1954 г. или ст. 10–14 Протокола 1999 г. соответственно.

Далее, принцип проведения различия также запрещает воюющим сторонам «использовать» объекты культурного наследия в военных целях. Действительно, во многих случаях это причиняет ущерб культурным ценностям и может создать предпосылки к последующему нападению на них или стать основным поводом для такого нападения³⁶. Этот запрет, которого не было в Гаагском положении 1907 г., сформулирован в статье 4(1) Конвенции 1954 г. и закреплен Протоколом 1999 г. Помимо приведенных в этом инструменте специальных условий относительно возможности превращения таких культурных ценностей в военный объект, статья 6 Протокола 1999 г. налагает на воюющие стороны дополнительные обязательства: например, нападающая сторона должна убедиться, что «нет никакой практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества»³⁷.

Пример тому — случай с базиликой Рождества Христова в Вифлееме (Палестина), хотя формально в этих обстоятельствах Протокол 1999 г. не был применим. Поскольку в 2002 г. в базилике укрывались бойцы Организации освобождения Палестины во время столкновений с силами Израиля — а значит, она использовалась в военных целях, то есть в нарушение принципа проведения различия, — церковь стала потенциальным военным объектом. Следовательно, при выполнении других условий израильская армия могла совершить нападение. Среди конкретных условий, прописанных в Протоколе 1999 г., которые следовало бы соблюсти силам Израиля, было одно в данном случае решающее, а именно: в данных обстоятельствах не должно было быть «никакой практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества», кроме нападения на церковь³⁸. Решение об осаде базилики вместо нападения на нее, принятое Израилем ввиду большого давления общественности в данной ситуации, — без сомнения, содействовало ее сохранению³⁹.

Принцип соразмерности

Третий принцип — принцип соразмерности — является основным в праве⁴⁰. Он олицетворяет поиск равновесия между соображениями военного характера и обеспечением уважения основных ценностей — поиск, который воюющие стороны должны постоянно осуществлять в ходе ведения военных действий. Он отражает самую суть права вооруженных конфликтов, цель

36 Среди причин для превращения объекта в «военный объект» в ст. 52 ДП I четко говорится о том, что в силу своего «использования» такой объект вносит «эффективный вклад в военные действия».

37 Протокол 1999 г., ст. 6(a)(ii); ст. 7 этого инструмента также содержит различные меры предосторожности, которые представляют собой меры по выполнению обязательства соблюдать принцип проведения различия.

38 Поскольку Протокол 1999 г. к этой ситуации не был применим, анализ носит гипотетический характер.

39 См.: Yoram Dinstein, *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2004, p. 163.

40 См.: Обычное МГП (примечание 3 выше), с. 59.

которого — согласовать военную необходимость с требованиями человечества. Этот принцип был четко сформулирован в позитивном праве только в статье 57(2)(a)(iii) и (b) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, а что касается инструментов, защищающих культурное наследие, то данный принцип содержится в статье 7(c) и (d)(ii) Протокола 1999 г.

Тем не менее при соблюдении этого принципа воюющими сторонами появляются некоторые проблемы с имплементацией. Чтобы определить, является ли законным запланированное военное действие, сторона в конфликте должна оценить соотношение между двумя гипотетическими оценками, касающимися культурного наследия, — «конкретным и непосредственным преимуществом», которого удастся достичь в результате нападения на этот объект, с одной стороны, и «чрезмерным ущербом», которое такое нападение может причинить, с другой стороны. Если закаленные в боях военнослужащие обычно готовы к оценке первой составляющей этого уравнения, то со второй не все так просто. Действительно, оценить предполагаемую серьезность ущерба, который может быть причинен культурным ценностям, довольно сложно, поскольку это требует точных знаний о конкретном объекте, его качествах и значении. Это все субъективные суждения, которые могут различаться, как и другие значимые критерии, в зависимости от степени подготовки военнослужащих. Кроме того, информация об объекте может быть недоступной или неполной, или определенные объекты культурного наследия могут быть не известны тем, чья задача — оценить соразмерность нападения. Следовательно, оценить, будет ли ущерб чрезмерным, сложно, особенно в связи с тем, что решение о совершении нападения часто приходится принимать в крайне сжатые сроки.

Случай с храмом в городе Ур (Ирак) во время войны в Персидском заливе в 1991 г. — это пример применения двух составляющих данного уравнения. Военачальники разместили иракское военное воздушное судно неподалеку от храма, тем самым защитив самолет от нападения неприятеля⁴¹. Без сомнения, этот самолет мог считаться военным объектом, однако военное преимущество, ожидаемое от его уничтожения, было незначительным. Этот самолет стоял один, вдали от какой бы то ни было взлетно-посадочной полосы, и его уничтожение поэтому не принесло бы никакого «конкретного и непосредственного преимущества» силам коалиции. Что касается «чрезмерного ущерба», который был бы нанесен храму при уничтожении самолета, оценить его также было легко. Уничтожение самолета совершенно точно причинило бы серьезный ущерб храму с более чем 2000-летней историей. Также было очевидно, что этот ущерб окажется чрезмерным: потеря всемирно известного и важного объекта культурного наследия, который на военных картах обозначен как объект, на который

41 См.: US Department of Defense, “Report to the Congress on the Conduct of the Persian Gulf War, Appendix O: The Role of the Law of War”, *International Legal Materials*, Vol. 31, 1992, p. 626, цит. по: R. O’Keefe (примечание 6 выше), p. 219.

распространяется защита, был бы без сомнения чрезмерным по сравнению с незначительным военным преимуществом, которого удалось бы достичь в результате его разрушения. Особый характер этой ситуации и исключительные качества объекта заставили силы коалиции соблюсти принцип соразмерности. Тем не менее так происходит не всегда. «Чрезмерность» ущерба не всегда легко оценить, в основном потому, что люди, которые должны принимать такие решения, не обладают достаточными знаниями о культурном наследии противника, особенно когда это касается менее известных культурных ценностей⁴².

Принцип принятия мер предосторожности

Четвертый и последний принцип — принцип принятия мер предосторожности — усиливает соблюдение принципа проведения различия и принципа соразмерности, разъясняя многие аспекты их применения. Предписываемые им меры направлены на ограничение и сокращение ущерба, причиняемого в ходе военных действий. Как и в случае с принципом проведения различия, действия, продиктованные обязанностью соблюдать этот, четвертый, принцип, различаются в зависимости от того, применяется ли он к нападающей или обороняющейся стороне. Что касается культурного наследия, правовые нововведения, зафиксированные в Дополнительном протоколе I⁴³ и подтвержденные впоследствии в Протоколе 1999 г., предоставляют значительно большую защиту объектам этого наследия⁴⁴. Такая защита выражается в серии мер, которые различаются в зависимости от того, в руки какой стороны попало культурное наследие — нападающей или обороняющейся. Сюда же входит и необходимость воюющим сторонам уделять особое внимание выбору средств и методов ведения военных действий, а военачальникам — принимать определенные решения. Кроме того, необходимо соблюдать временные рамки и делать предупреждения.

Например, можно упомянуть о двух городах, которые пережили интенсивные бомбардировки в ходе различных конфликтов и в разное время: это Исфахан в Иране в 1985 г. и Дубровник в Хорватии в 1991 г. Эти два случая показывают, какие обязанности по соблюдению принципа принятия мер предосторожности есть у нападающей и обороняющейся стороны соответственно.

42 Существование специального отличительного знака, которым воюющие стороны обозначают пользующиеся защитой культурные ценности в случае вооруженных конфликтов, прописано, в частности, в ст. 16 и 17 Конвенции 1954 г. Применение этого отличительного знака — синего щита — обязательно только для культурных ценностей, находящихся под специальной защитой.

43 Предписания части VI, раздел I, ДП I, и особенно его ст. 52, 57 и 58, вновь зафиксированы в ст. 6 и 7 Протокола 1999 г. об охране культурных ценностей. Целью двух последних норм было разъяснение ст. 4 Конвенции 1954 г., в соответствии с которой обязанность «уважать» культурные ценности может быть отменена только при одном условии — наличии военной необходимости.

44 ДП I, ст. 57, и Протокол 1999 г., ст. 7, соответственно.

Во время ирано-иракской войны (1980–1986 гг.) авиация Ирака нанесла ракетный удар по Исфахану, где были расположены крупные нефтеперерабатывающие заводы. В результате серьезно пострадала мечеть Джамии (Пятничная мечеть) — одна из старейших в исламском мире. Как представляется, в тот раз не были соблюдены многие меры, предписанные принципом принятия мер предосторожности. Например, не было проверки военного объекта, на который планировалось нападение, не выяснялось ни наличие компонента культурного наследия, ни соразмерность применяемых средств и методов в конкретной ситуации⁴⁵. Таким образом, это нападение может считаться неизбирательным, а потому неправомерным⁴⁶.

Нападения на Старый город в Дубровнике в ходе балканских войн (1991–1995 гг.) иллюстрируют обязанности обороняющейся стороны. Сербы считают, что нападение было оправданно, так как предположительно на окраине города находился склад боеприпасов. Тем не менее стороны, которым принадлежат объекты культурного наследия, обязаны, среди прочего, — перенести военные объекты подальше от культурных ценностей⁴⁷. Военные объекты действительно размещают вблизи культурных ценностей — право формально признает это незаконным, — чтобы удержать неприятеля от нападения на военную цель. Во время конфликта военную технику часто располагают рядом с культурными ценностями, которые служат своеобразными щитами, как в случае с храмом в городе Ур. В данном же случае в годы, предшествовавшие конфликту, компетентные власти тщательно эвакуировали из Старого города Дубровника все объекты, которые могли считаться военными, и прекратили всю связанную с ними деятельность⁴⁸. Проведенная там полная демилитаризация была направлена на предотвращение какого бы то ни было нападения, таким образом, никакое нападение не могло быть оправдано такими причинами. Следовательно, нападение, совершенное в декабре 1991 г., являлось определенно незаконным, как установил в решении по делу Штругара в 2005 г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии⁴⁹.

Эти ситуации показывают, что в каждом конкретном вооруженном конфликте на этапе непосредственных военных действий наибольшему риску объекты культурного наследия подвергаются в результате их использования в военных целях и в ходе спровоцированных этим боестолкновений. Кроме того, риски связаны с выбором средств и методов ведения военных действий, которые часто бывают неподходящими и могут стать причиной неизбирательных нападений на культурные ценности.

45 ДП I, ст. 57(2)(a)(i) и (ii).

46 См.: ЮНЕСКО, «Информация об осуществлении Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», Гаага, 1954 г., Доклады 1989 г., док. СС/MD-11, декабрь 1989 г., примечания 4–8.

47 ДП I, ст. 58(b).

48 Clémentine Bories, *Les bombardements serbes sur la vieille ville de Dubrovnik: La protection internationale des biens culturels*, Pedone, Paris, 2005, pp. 41, 47.

49 ICTY, *The Prosecutor v. Pavle Strugar*, Case No. IT-01-42, Judgment (Trial Chamber), 31 January 2005, para. 295.

Следовательно, соблюдение четырех приведенных выше принципов вооруженными силами, участвующими в столкновении, является необходимой защитой от подобного ущерба. Хотя на современном этапе технологического развития вооружения есть возможность немного уменьшить риски, связанные с выбором средств и методов ведения военных действий, основным для защиты культурного наследия во время вооруженных конфликтов является человеческий фактор, это вытекает, в частности, из принципа соразмерности. Действительно, информация, необходимая для оценки и выявления объектов культурного наследия, что требуется в частности для того, чтобы соблюдать принципы проведения различия и соразмерности, должна быть осмыслена надлежащим образом подготовленными специалистами, когда они сталкиваются с подобными ситуациями.

Материальное культурное наследие, попавшее в руки неприятеля

Ущерб объектам культурного наследия, находящимся во власти неприятеля, может быть нанесен в основном в ситуациях военной оккупации и немеждународных вооруженных конфликтов. Такой ущерб причиняют обычно силы неприятеля, нарушая обязательства по обеспечению защиты как людей, так и имущества, попавшего в их власть. Эти обязательства проистекают из инструментов более разнообразных, чем те, которые регулируют исключительно ведение военных действий. Следовательно, в ходе таких ситуаций страдает больше объектов культурного наследия, а компоненты нематериального культурного наследия, защита которого зачастую не является приоритетом во время военных действий, подвергаются особому риску.

Действительно, в силу своей продолжительности военная оккупация или другие схожие ситуации⁵⁰ могут радикально изменить экономическую и социальную структуру общества, а также и образ жизни местных сообществ. Эти перемены подавляют культурную самобытность людей. Кроме того, внутренние вооруженные конфликты часто носят религиозный, культурный или этнический характер, что может породить угрозу не только для культурного наследия, но и для связанного с ним культурного и духовного самовыражения, как показывает приведенный выше пример Мали. Поскольку применимые правовые инструменты касаются различных аспектов культурного наследия, сначала мы рассмотрим защиту, которую они предоставляют материальным культурным ценностям, а только потом — нематериальному культурному наследию. Тем не менее остается справедливой предпосылка, что любой компонент культурного наследия

50 Здесь: «схожие ситуации» — это такие ситуации, когда объекты культурного наследия попадают в руки неприятеля, но официально они не признаны военной оккупацией. Помимо спорных случаев военной оккупации, такие ситуации включают в себя немеждународные вооруженные конфликты, в ходе которых стороны, контролирующие территорию, также контролируют объекты культурного наследия, находящиеся там.

является двумерным, и в тексте ниже это подтверждается вновь. В разных вооруженных конфликтах культурное наследие может пострадать от различных видов ущерба, речь о них пойдет ниже.

Ущерб от уничтожения компонентов культурного наследия

Первый вид ущерба — это «уничтожение». Оно отличается от разрушения, происходящего во время боестолкновений в рамках военных действий, поскольку включает в себя снос, демонтаж или оставление объекта, который впоследствии ветшает без должного ухода и содержания. Примеры включают в себя разрушенный Марокканский квартал в Восточном Иерусалиме⁵¹, оставленные в руинах церкви в оккупированной части Кипра, а более поздние примеры — уничтожение руин Хатры в Ираке боевиками ИГИЛ. Выбор правовых норм, применимых к культурному наследию, зависит от того, является ли ситуация международным вооруженным конфликтом, военной оккупацией или внутренним конфликтом. Если первые две ситуации регулируются в основном правом вооруженных конфликтов, то в третьей ситуации оно не используется, особенно когда культурное наследие, о котором идет речь, не подпадает под определение культурных ценностей в соответствии с Конвенцией 1954 г. Инструменты режимов, отличных от права вооруженных конфликтов, — хотя некоторые его положения остаются применимыми и в таких ситуациях, — с большой вероятностью можно считать дополнительным источником правовой защиты, которая иногда оказывается необходимой.

В случае военной оккупации, как показано в двух приведенных выше примерах, право войны четко запрещает «уничтожение»⁵², а *lex specialis*, касающийся культурных ценностей, а именно статья 5 Конвенции 1954 г., предписывает оккупирующей стороне воздерживаться от применения силы, таким образом сохраняя основную юрисдикцию национальных властей, которым поручено защищать культурное наследие. Так, статья 5 *a fortiori* также касается всех видов ущерба, причиняемого культурному наследию. Однако во время внутреннего конфликта только культурные ценности, соответствующие определению Конвенции 1954 г. либо обозначенные в статье 16 Дополнительного протокола II как «культурное или духовное наследие народов», формально пользуются защитой права вооруженных конфликтов.

Следовательно, в таких ситуациях, как гражданская война, разразившаяся в Гватемале (1960–1992 г.), уничтожение культурного наследия жителей селения Рабиналь — общины потомков майя в Гватемале — такого

51 См.: Исполнительный совет ЮНЕСКО, Доклад технической миссии ЮНЕСКО, посетившей Старый город Иерусалима. 176 ЕХ/Специальное пленарное заседание/INF.1, 10 апреля 2007 г.

52 Среди применимых конкретно к «культурным ценностям» положений можно отметить ст. 56 Гаагского положения и ст. 53 Женевской конвенции IV, а также ст. 5 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и ст. 9 Протокола 1999 г.

как маски, костюмы и музыкальные инструменты, необходимые для проведения праздника с исполнением театрализованного танца Рабиналь-Ачи⁵³, не было официально запрещено согласно применимым положениям права вооруженных конфликтов⁵⁴. Вооруженные силы, в руках которых оказались эти объекты, не признали их подпадающими под определение культурных ценностей или культурного и духовного наследия народов по смыслу статьи 1 Конвенции 1954 г. и статьи 16 Дополнительного протокола II соответственно. Таким образом, чтобы распространить защиту на эти объекты, нужно было обращаться к другим нормам, например нормам Конвенции 2003 г., касающимся нематериального культурного наследия (если бы эту Конвенцию можно было применить в той ситуации), а также нормам Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 г. (Конвенция 169), или положениям о культурных правах Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁵⁵.

Ущерб как результат изменившегося назначения компонентов культурного наследия

Ущерб другого вида причиняется тогда, когда происходит «изменение назначения» культурной ценности или места, составляющего культурное наследие. Среди примеров — мечеть в селе Вади-Ханин близ города Рамалла⁵⁶, которую превратили в синагогу; некоторые храмы в Ангкоре, которые использовались как склады при режиме красных кхмеров⁵⁷; и Церковь святой Анастасии в деревне Лапитос (Кипр), которую превратили в отель⁵⁸. Не существует норм, открыто запрещающих подобные действия, но такой

53 Рабиналь-Ачи — это культурное и духовное действо, проводимое в Рабинале (Гватемала). Оно было признано ЮНЕСКО одним из памятников устного творчества и нематериального наследия человечества.

54 Вооруженные силы Гватемалы, во власть которых попали эти объекты, посчитали их имуществом местных жителей. Таким образом, их уничтожение не запрещено общей статьей 3 — единственной статьей Женевских конвенций, нормы которой применяются во время внутренних вооруженных конфликтов. Четкого запрета на уничтожение такого имущества не содержит и ДП II. Только его ст. 16 запрещает нападения на «культурное или духовное наследие народов», к которому, по мнению гватемальских военных, эти объекты не относились.

55 Например, к ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в которой закреплены всеобщие культурные права; и к Международному пакту о гражданских и политических правах, ст. 27, которая предоставляет защиту культурным правам «этнических, религиозных и языковых меньшинств».

56 М. Abou Khalaf, “Profanation des sites islamiques en Palestine”, in *Protection des sanctuaires chrétiens et islamiques en Palestine*, Islamic Educational, Scientific and Cultural Organization, 2000; Amira Samir, “Mosquées transformées en autre chose que leur objectif naturel”, *Al-Ahram Hebdo*, 17–23 March 2010.

57 Клеман, *Этьен и Кино, Фарис*. Защита культурных ценностей в Камбодже во время вооруженных конфликтов в соответствии с Гаагской конвенцией 1954 г. // Международный журнал Красного Креста. № 854, 2004 г. С. 91.

58 “Anastasia Resort Hotel (Lapithos)”, press release, Embassy of Cyprus in Paris, 21 June 2008.

запрет может подразумеваться, имплицитно или косвенно, в некоторых положениях права вооруженных конфликтов, касающихся ситуаций военной оккупации, например тех, которые запрещают преднамеренный захват или присвоение культурных ценностей⁵⁹. Кроме того, следует отметить, что такой вид ущерба затрагивает не только объекты или места, назначение которых изменилось. Изменение функции также может привести к уничтожению нематериальных компонентов культурного наследия, например неотделимых от них знаний и истории, которые придают им значение и ценность, а также празднеств, церемоний и ритуалов, которые проходят на их территории. Такие компоненты действительно могут пострадать или даже быть разрушены в результате изменившегося назначения объектов или мест, как видно из вышеперечисленных примеров с различными местами отправления культа.

Некоторые эпизоды войны в Ираке 2003 г. являются примером данного типа ущерба, нанесенного культурным ценностям, в различных изменениях, например на месте археологических раскопок в Вавилоне в 2003 г. была построена военная база. Это решение приняли силы США, а потом их деятельность продолжали силы Польши вплоть до 2004 г.⁶⁰ Подобное изменение функций привело к значительному ущербу в отношении материального и нематериального аспектов. Строительство на этом месте военной базы с вертолетной площадкой привело не только к уничтожению множества артефактов с тысячелетней историей, но и к нанесению почвы из других мест, в результате чего «отработанные» слои песка на месте раскопок перемешались с еще не исследованными. Этот песок хранил неисчислимые знания о цивилизациях прошлого, и знания эти теперь навсегда утрачены. Таким образом, была уничтожена история, которую могло бы рассказать их изучение. Следовательно, разрушения, вызванные изменением оккупирующими силами назначения места раскопок в Вавилоне, причинили серьезный ущерб культурному наследию Ирака во многих отношениях.

Право военной оккупации, в соответствии с Гаагским положением 1907 г., является единственным инструментом, формально применимым в такой ситуации⁶¹, и безусловно запрещает подобные действия, в основном посредством запрета на «захват» и «истребление» этих объектов, прописанный в статье 56 Гаагского положения. Гаагская конвенция 1954 г., которая обязывает оккупирующую сторону воздерживаться от данных действий, также могла бы их предотвратить⁶². Но если бы в этой ситуации был применен Протокол 1999 г., то изменять назначение подобных объектов было бы четко запрещено. Если в приведенных выше инструментах такая защита

59 А именно Гаагское положение 1907 г., ст. 56(2), и Гаагская конвенция 1954 г., ст. 4(3), 5.

60 Rory McCarthy and Maev Kennedy, "Babylon Wrecked by War", *The Guardian*, 15 January 2005.

61 Ни Великобритания, ни США не были участниками Гаагской конвенции 1954 г. США не ратифицировали ее вплоть до 2008 г.

62 Помимо ст. 5 Гаагской конвенции 1954 г., которая налагает на оккупирующие силы обязательство воздерживаться от подобных действий, ст. 4(1), запрещает «использование... в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению этих ценностей». Это положение также применимо в случае военной оккупации.

только подразумевалась, то Протокол 1999 г. явил собой значительный прорыв в применении права вооруженных конфликтов в подобных ситуациях. Фактически в статье 9 содержатся четкие запреты: в пункте 1(b) — на любые «археологические раскопки», а в пункте (1)(c)⁶³ — на уничтожение «свидетельств культурного... характера», что обеспечивает сохранение культурного наследия, как материального, так и нематериального.

Ущерб в результате изъятия компонентов культурного наследия

Культурное наследие также может подвергаться ущербу в результате «изъятия» его компонентов в той или иной форме. Это часто происходит во время вооруженных конфликтов, когда национальные власти, осуществляющие надзор за культурными ценностями, дезорганизованы или вовсе отсутствуют. Такие обстоятельства провоцируют мародерство, воровство и другие формы присвоения или изъятия собственности. Эти действия обычно сопровождаются незаконными перевозками движимых культурных ценностей из стран, пострадавших от войны, в третьи государства, где они выставляются на продажу. Так рынок наводняется предметами искусства вопреки применимому праву, как национальному, так и международному.

В отличие от других упомянутых здесь действий акты мародерства запрещены правом войны во всех случаях вооруженного конфликта, независимо от фазы конфликта, в ходе которой они совершаются⁶⁴. Кроме того, этот запрет применяется ко всей собственности, не только к культурным ценностям. Что касается воровства или других форм незаконного присвоения имущества, здесь ситуация иная: они не запрещены правом вооруженных конфликтов, если совершаются не по отношению к компонентам культурного наследия, законно признаваемым таковыми. Такие инструменты, как Гагская конвенция 1954 г. и два Протокола к ней (1954 и 1999 гг.), регулируют подобные действия, а запрет на этот вид ущерба появляется в основном в случае военной оккупации⁶⁵. Из-за этого право вооруженных конфликтов иногда кажется фрагментированным, особенно в немеждународных вооруженных конфликтах, когда данное имущество не имеет статуса культурной ценности или не признается таковым неприятельскими силами.

63 Протокол 1999 г., ст. 9(1)(с), где требуется, в частности, наличие намерения, не мог применяться в этой ситуации.

64 В частности, ст. 28 и 47 Гагского положения 1907 г., ст. 33 (2) ЖК IV, а в случае внутреннего вооруженного конфликта — ст. 4(2)(g) ДП II. Ст. 4(3) Конвенции 1954 г. запрещает подобные действия в отношении культурных ценностей во всех вооруженных конфликтах, а ст. 19(1) — особенно в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Кроме того, в случае вооруженного конфликта любого характера, ст. 15(e) Протокола 1999 г. криминализирует такие действия, тем самым содействуя выполнению запрета на мародерство.

65 Статья 4(3) Гагской конвенции 1954 г. прямо запрещает «кражи», «незаконное присвоение культурных ценностей», «акты вандализма» и «реквизицию движимых культурных ценностей, расположенных на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны». Протокол 1954 г., который применяется в случае военной оккупации, запрещает вывоз таких ценностей с оккупированной территории, даже если она не является участником Протокола. Протокол 1999 г. повторяет этот запрет в ст. 9(1)(а), запрещается «любой незаконный вывоз, иное изъятие или передача права собственности на культурную ценность».

В некоторых случаях может быть необходимо прибегать к другим инструментам в соответствии с правовыми режимами, отличающимися от права войны. Что касается культурных ценностей, Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. и Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г.⁶⁶ иногда могут восполнить некоторые пробелы в праве вооруженных конфликтов, например предоставляя дополнительные механизмы для возвращения или восстановления культурных ценностей, особенно если те находились в частной собственности. Другие пробелы вызваны отсутствием применимых во время немеждународных вооруженных конфликтов норм, которые бы обеспечили защиту такого имущества, не имеющего статуса культурных ценностей⁶⁷. В случае вооруженного конфликта обратиться можно только к нормам права вооруженных конфликтов, направленным на защиту такого имущества, например содержащимся в Гагском положении 1907 г., которые регулируют международные вооруженные конфликты и применимы в качестве обычных норм, основанных, в частности, на юриспруденции международных судебных инстанций, которые закрепляют их применимость и в таких ситуациях⁶⁸.

Необходимость применять различные инструменты, касающиеся изъятия культурных ценностей, демонстрирует случай со свитками Мертвого моря. Их нашли в 1950-е гг. в пещерах близ Кумрана, на Западном берегу, и выставляли в Археологическом музее Палестины в Восточном Иерусалиме до 1967 г. Затем их изъяли из музея и перевезли в Храм книги в Израиле⁶⁹. Это действие противоречило множеству норм права вооруженных конфликтов в случае военной оккупации, например статье 56 (1) Гагского положения 1907 г., которая запрещает «захват» культурных ценностей оккупирующими силами. Таким образом, в этой ситуации изъятие свитков было незаконным. Они, без сомнения, являлись культурной ценностью и подпадали под действие Конвенции 1954 г. Статья 5 Конвенции 1954 г. налагает на оккупирующие силы обязанность воздерживаться от таких действий; в частно-

66 Конвенция о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях, Международный институт унификации частного права (УНИДРУА), Рим, 24 июня 1995 г.

67 Необходимо отметить, что в рамках Гагской конвенции 1954 г. объявление имущества культурной ценностью подпадает под юрисдикцию государства, на территории которого это имущество находится. Однако во время вооруженного конфликта неприятельские силы должны щадить культурные ценности, особенно в ходе военных действий. Если неприятельские силы не были предварительно уведомлены государством, на чьей территории находятся культурные ценности, или уполномоченными структурами, например ЮНЕСКО, о наличии культурных ценностей, пользующихся защитой, их обязанностью все равно является опознание таких ценностей. В случае вооруженных конфликтов религиозного, этнического или культурного характера определение характера имущества может оказаться сложной задачей, существует риск, что эти культурные ценности признают просто гражданским имуществом. Даже в таких ситуациях они продолжают пользоваться защитой в соответствии с правом вооруженных конфликтов, которое применяется в рамках как договорного, так и обычного права.

68 См.: Обычное МГП (примечание 3 выше), нормы 38–39, 7–10 признают запрет (в соответствии с определенными условиями) на нападения на гражданское имущество и культурные ценности и их повреждение воюющими сторонами в рамках нормы обычного права, применимой в случае как международного, так и немеждународного вооруженного конфликта.

69 AFP, «UNESCO: Plainte jordannienne sur la propriété des manuscrits de la mer Morte», *Le Point.fr*, 11 janvier 2010.

сти, захват несовместим с этой обязанностью. Пункт 1 части I Протокола 1954 г. налагает обязанность на оккупирующие силы предотвращать вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий. Следовательно, это требование также было нарушено. Кроме того, во время выставки свитков в Канаде в 2009 г. власти Палестины и Иордании, ссылаясь на пункты 2 и 3 Протокола 1954 г., потребовали их секвестировать и затем вернуть. Однако это требование не было удовлетворено. Если бы применялась Конвенция 1970 г. или Конвенция УНИДРУА 1995 г., сформированные ими механизмы могли бы содействовать возвращению этих культурных ценностей.

Нематериальное культурное наследие, попавшее в руки неприятеля

Нематериальное культурное наследие объединяет различные мероприятия и формы культурного выражения, это, например, танцы, музыка, театральные представления, а также верования, ритуалы и практики, отражающие черты определенной группы и ее культурную и духовную идентичность. Люди одухотворяют такое культурное наследие с помощью инструментов, реквизита, костюмов и других объектов. Охрану этих культурных ценностей мы рассмотрели выше. Данный раздел касается только защиты людей. Основная форма защиты, которую должно четко обеспечивать право, — это гарантия жизни и физического благополучия каждого человека, и право войны предусматривает такую защиту во всех обстоятельствах в рамках вооруженных конфликтов. Тем не менее воспроизведение нематериального культурного наследия требует от человека исполнения множества других функций, на которые также должна распространяться правовая защита, чтобы сохранить это культурное наследие. Война вредит людям и нарушает ход их жизни, и в этом разделе мы рассмотрим три вида ущерба, показав, как вооруженный конфликт может негативно повлиять на свободу самовыражения и сохранность нематериального культурного наследия в подобных обстоятельствах.

Ущерб, причиняемый практикам нематериального культурного наследия

Нематериальное культурное наследие воплощается в жизни прежде всего путем «выполнения» его практик истолкователями или носителями. Это могут быть актеры, музыканты или танцоры; писатели, художники или поэты; священники, представители духовенства или духовные лидеры. Что касается последних, право вооруженных конфликтов обеспечивает особую защиту «священнослужителям» и их деятельности, независимо от природы вооруженного конфликта⁷⁰. Однако то же самое нельзя сказать о деятельности актеров, сочинителей и мастеров. Защита, которую им предоставляет право вооруженных конфликтов, может быть разделена на два этапа: прежде

⁷⁰ Например, помимо других положений, см.: ЖК I, ст. 24; ДП I, с. 15(5); ДП II, ст. 9.

всего сохраняются «знания», связанные культурным выражением, а потом уже обеспечивается реальная «деятельность». Тем не менее право вооруженных конфликтов «не работает» в сфере защиты функций актеров, сочинителей и мастеров, и необходимость правовой защиты поэтому должна обеспечиваться другими правовыми сферами, например правом прав человека, в частности Международным пактом о гражданских и политических правах и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах⁷¹, а также конвенциями ЮНЕСКО об охране культурных ценностей⁷².

Примером является участь артистов камбоджийского театра теней Сбек Тхом, подвергшегося гонениям во время гражданской войны при режиме красных кхмеров в 1970-е гг. В соответствии с применимым в то время правом вооруженных конфликтов можно было обратиться только к общей для четырех Женевских конвенций статье 3. Хотя ее защита распространялась на жизнь и физическое благополучие артистов, ни одно из положений не могло быть действительно интерпретировано как предоставляющее защиту также и деятельности артистов, независимо от того, музыканты ли они, кукольники или рассказчики, — а артисты Сбек Тхом выполняли именно такие функции. Так, не нашлось других правовых оснований для защиты этой деятельности, например международного права прав человека, которое предоставляет широкую защиту для свободы мысли и выражения и культурных прав в целом. Среди конвенций об охране культурных ценностей, принятых под эгидой ЮНЕСКО, Конвенция 2003 г., применяясь она в то время, возможно, смогла бы распространить защиту не только на людей, но и на знания, которыми они обладают, и на деятельность, которой они занимаются, чтобы вдохнуть жизнь в нематериальное культурное наследие, такое как театр Сбек Тхом.

Ущерб, причиняемый нематериальному культурному наследию в результате препятствования традициям

Нематериальное культурное наследие может потерпеть ущерб во время вооруженного конфликта и потому, что оно выражает себя также путем свободного «участия» групп или сообществ в различных мероприятиях. В частности, это подразумевает возможность передвигаться, собираться и иметь доступ к тем или иным местам. Право вооруженных конфлик-

71 В связи с этим необходимо вспомнить, что есть несколько свобод, закрепленных в международном праве прав человека, например свобода мысли, совести и религии (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 18), от которых не допускается отступление во время вооруженных конфликтов. От других прав, например на свободу выражения (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 19), можно отступать и(или) ограничивать их, если соблюдены необходимые условия, включая возникновение ситуаций, схожих с вооруженным конфликтом. Тем не менее, хотя применение этих положений может быть ограничено, такие ограничения не должны нарушать эти права.

72 Цель различных положений этих инструментов, предоставляющих защиту культурному наследию, и связанных с ними прав человека, заключается не только в том, чтобы запретить налагать ограничения на выражение такого наследия, но также в некоторых случаях в том, чтобы потребовать его поддержки во имя продолжения его существования.

тов содержит различные нормы, гарантирующие населению право жить своей обычной жизнью и право на уважение его «привычек и обычаев», но в основном оно применяется в ситуациях военной оккупации. В других ситуациях вооруженного конфликта, например во время внутреннего вооруженного конфликта, в праве вооруженных конфликтов обнаруживаются пробелы, которые могут быть восполнены при обращении к другим применимым положениям, таким как нормы прав человека⁷³.

Трудности, с которыми сталкиваются палестинцы, желающие участвовать в некоторых духовных церемониях, проводимых в Старом городе Иерусалима, например во время Страстной недели, представляют собой яркий пример того, как оккупирующие силы стремятся ограничить участие населения в практиках его культурного наследия. Право вооруженных конфликтов, применимое в случае военной оккупации или схожих ситуациях, четко предписывает обязанность этих сил уважать свободу людей исповедовать свою религию⁷⁴ и соблюдать свои обычаи, что включает в себя проведение празднеств или ритуалов, составляющих часть их собственного культурного и духовного наследия⁷⁵. Многие нормы по защите прав человека, которые во всех случаях применяются как *lex generalis*, гарантируют те же права относительно участия в таких празднествах. В связи с этим необходимо отметить, что МУС подтвердил и применимость таких норм, и невозможность аннулировать или ограничить эти положения, в данном случае в своем Консультативном заключении относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории⁷⁶.

Ущерб, причиняемый нематериальному культурному наследию в результате прерывания традиции

Еще один тип ущерба, от которого может серьезно пострадать нематериальное культурное наследие, — это воспрепятствование его передаче будущим поколениям. Хотя храмы Ангкор Ват, несмотря на превратности судьбы, выстояли на протяжении столетий, мы не можем сказать то же самое о театре Сбек Тхом, который ввиду своей нематериальной природы выжил только благодаря тому, что эта традиция передавалась из поколения

73 Например, свобода передвижения (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 12) и свобода собраний (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 21).

74 Обязанность уважать «религиозные убеждения и отправление обрядов веры» прописана в ст. 46 Гаагского положения. В свою очередь, ст. 27(1) ЖК IV предписывает, что военачальники вооруженных сил неприятеля должны проявлять «уважение к... религиозным убеждениям и обрядам».

75 Во многих положениях права вооруженных конфликтов закреплена обязанность уважать образ жизни людей, которые находятся во власти вооруженных сил неприятеля. Среди них ст. 27(1) ЖК IV требует от военачальников, в чьей власти находится гражданское население, уважать его «привычки и обычаи». Кроме того, в ст. 43 Гаагского положения 1907 г. прописано, что необходимо уважать «существующие... законы» в стране под военной оккупацией, а в ст. 46(1) сказано, что необходимо уважать «честь и права семейные, жизнь отдельных лиц».

76 Международный суд. Консультативное заключение относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории, 9 июля 2004 г., пп. 108, 112.

в поколение. Фактически это ожившее наследие, воссоздаваемое одними людьми для того, чтобы другие смогли впитать его содержимое, стать его хранителями и в свою очередь передать его дальше. Тем не менее в ситуациях вооруженного конфликта часто чинятся препятствия передаче нематериального культурного наследия, которое обязательно включает в себя взаимодействие посвященных лиц с местным населением, а также условия, благоприятствующие обучению, показам и исполнению. Это происходит в семейной, профессиональной сфере, сфере образования и других областях, поскольку война часто превращает жизнь людей в хаос. Право вооруженных конфликтов не содержит конкретных ответов о том, как противодействовать данному типу ущерба. Эти ответы нужно искать в основном в нормах, обеспечивающих уважение уклада жизни людей и их права на частную семейную жизнь, их обычаев и верований, или защиту средств и способов создания произведений искусства и занятий ремеслом.

Наиболее конкретные в этом отношении положения права вооруженных конфликтов относятся к праву военной оккупации. Передача религиозных практик мастеров-суфиев их ученикам во время пребывания советских войск в Афганистане в 1980-е гг. была возможна благодаря защите различных норм отрасли права, применимой в этой ситуации. В других обстоятельствах вооруженного конфликта все было бы иначе — например необходимо признать, что, когда речь идет о внутреннем вооруженном конфликте, есть определенные пробелы в правовых инструментах права вооруженных конфликтов, которые при иных обстоятельствах могут обеспечить эффективную передачу нематериального культурного наследия. Примером тому может служить постепенное исчезновение церемоний, проводимых шаманами в коренных сообществах на острове Минданао (Филиппины). Поскольку из-за вооруженного конфликта шаманов не пускали в лес, они не могли собирать травы, необходимые для проведения ритуалов. Так, передача этих знаний последующим поколениям была серьезно нарушена. Только применение иных положений в других правовых режимах могло бы гарантировать сохранение этих компонентов нематериального культурного наследия Минданао. Эти положения включают, помимо отдельных применимых в данных обстоятельствах норм о правах человека, такие нормы, целью которых является сохранение нематериального культурного наследия, например положения Конвенции 2003 г., а также некоторые нормы Конвенции 1989 г. о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция 169), и, возможно, инструменты, разработка которых сейчас ведется во Всемирной организации интеллектуальной собственности и которые призваны охранять традиционные способы культурного выражения, традиционные знания и генетические ресурсы⁷⁷.

77 Обязательные нормы, защищающие нематериальное культурное наследие, наряду с различными правами, связанными с культурной идентичностью коренных народов, появились в Конвенции 2003 г. и Конвенции 1989 г. о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция 169). Во Всемирной организации интеллектуальной собственности сейчас решается вопрос о принятии норм, касающихся традиционных знаний, традиционных способов культурного выражения и генетических ресурсов.

Заключение

Недавние вооруженные конфликты (например в Мали, когда было совершено нападение на мавзолеи Тимбукту, неизбежно повлекшее за собой прекращение церемоний, которые там проводились) свидетельствуют о многостороннем характере любых компонентов культурного наследия, хотя в каждом конкретном случае больше либо материальных, либо нематериальных аспектов. В связи с этим защита, которая в соответствии с применимым в таких ситуациях правом должна предоставляться культурному наследию, не может ограничиваться лишь одним из этих аспектов. Право вооруженных конфликтов только частично удовлетворяет этому требованию в рамках системы Конвенции 1954 г. и двух Протоколов к ней, основная цель которых — обеспечить сохранность культурного наследия. В лучшем случае эти инструменты предписывают имплицитную или косвенную защиту нематериального культурного наследия. Тем не менее право вооруженных конфликтов, выступающее как *lex specialis* в таких обстоятельствах, в этом отношении не является несостоятельным. Различные нормы Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним распространяют защиту на отдельных лиц в отношении их физического благополучия и человеческого достоинства, в частности их культурной и духовной идентичности. Тем самым они тоже помогают обеспечить сохранение «живого» культурного наследия этих народов, в том числе их нематериального культурного наследия.

С другой стороны, эти нормы не всегда достаточно четкие для того, чтобы предоставить наилучшую защиту нематериальному культурному наследию, находящемуся под угрозой. Действительно, защита, которую они предоставляют, иногда только подразумевается, и часто ее источник — широкая трактовка рассматриваемых положений, основанная преимущественно на цели этих положений, а именно — обеспечить уважение человеческого достоинства. Кроме того, хотя некоторые из этих положений могут применяться в случае военной оккупации, это не относится к внутренним вооруженным конфликтам, в которых часто применяется только общая статья 3 и соответствующие положения права вооруженных конфликтов (рассматриваемые как обычные нормы). С этой точки зрения обращение к защите, которую могут предоставлять в этих обстоятельствах другие правовые режимы, например международное право прав человека и культурные конвенции ЮНЕСКО, различные нормы которых являются *lex generalis*, и содействие применению этих норм кажется как возможным, так и необходимым⁷⁸. Действительно, их применение наряду с правом вооруженных конфликтов должно обеспечить эффективную защиту культурного насле-

78 Применение таких норм в случае вооруженных конфликтов тщательно проанализировано и показано в исследованиях автора настоящей работы. См.: Christiane Johannot-Gradis, *Le patrimoine culturel matériel et immatériel: Quelle protection en cas de conflit armé?*, Schulthess, Genève, 2013, pp. 149–184.

дия, как материального, так и нематериального, в любой ситуации вооруженного конфликта.

Кроме того, такой подход сейчас обсуждается в ЮНЕСКО, в Комитете по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, где различные государства поддержали совместное выполнение Конвенции 1954 г. и других инструментов ЮНЕСКО, особенно Конвенции 2003 г.⁷⁹, которые направлены на обеспечение защиты культурного наследия⁸⁰. Этот консенсус, которого также достигли другие учреждения, например Комитет по охране нематериального культурного наследия⁸¹, отражает признание со стороны международного сообщества того факта, что право, защищающее культурное наследие, как материальное, так и нематериальное, существует. Тем не менее присоединение большого количества государств к этим правовым инструментам не уменьшает проблемы их применения, и происходящее в наше время разрушение культурного наследия Сирии и Ирака — это проблема, решения которой до сих пор не существует.

79 На 10-й сессии (10–11 декабря 2015 г.) Комитет по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта принял Решение 10.COM 4 п. 6 (на англ. яз.), в котором Комитет открыто призывает входящее в его состав Бюро разработать подход к совместному выполнению Конвенции 2003 г. и Конвенций 1970 и 1972 гг.

80 См.: ЮНЕСКО, Комитет по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, “Development of Synergies with Other Relevant UNESCO Normative Instruments and Programmes and Strengthening Partnerships”, Doc. CLT-14/9.COM/CONF.203/7, 18–19 December 2014.

81 Комитет по охране нематериального культурного наследия на 10-й сессии (Виндхук, 30 ноября — 4 декабря 2015 г.) подчеркнул необходимость содействия применению Конвенции 2003 г., «в том числе в ситуации вооруженного конфликта»: Decision 10 COM/15a, Annex para. 5.